

**ПЕТР
ВЯЗЕМСКИЙ**

СЕВЕРНАЯ
ЛИРА НА 1827
ГОД

Петр Андреевич Вяземский

Северная Лира на 1827 год

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=24510797

Аннотация

«„Северная Лира“ может, кажется, быть признана за представительницу московских муз. Имена писателей, в ней участвующих, принадлежат, по большей части, московскому Парнаусу; не знаю, можно ли сказать: *Московской школе*, хотя точно найдутся признаки отличительные в новом здешнем поколении литературном. Вообще вся наша литература мало имеет в себе положительного, ясного; есть что-то неосязательное, облачное в ее атмосфере...»

Петр Вяземский

Северная Лира на 1827 год

«Северная Лира» может, кажется, быть признана за представительницу московских муз. Имена писателей, в ней участвующих, принадлежат, по большей части, московскому Парнаусу; не знаю, можно ли сказать: *Московской школе*, хотя точно найдутся признаки отличительные в новом здешнем поколении литературном. Вообще вся наша литература мало имеет в себе положительного, ясного; есть что-то неосязательное, облачное в ее атмосфере. В климате московском есть что-то и туманное. Пары зыбкого идеологизма носятся в океане беспредельности. Впрочем, из этих туманов может еще проглянуть ясное утро и от них останутся одни яркие блески на свежей зелени цветов. Один из Издателей «Северной Лире», г-н Раич, уже знаком с выгодной стороны читателям; опыты другого носят признаки дарования. Судя по некоторым отрывкам, кажется, он занимается литературою восточных народов: такое изучение может принести много пользы нашей, если оно доведено будет с успехом до конца. Полуисполнения, как в другом, так и в литературе, ни к чему, или по крайней мере к немногому служат. Мало пользы, да и радости мало, видеть под маловажными статьями в прозе и в стихах: с *Персидского*, с *Арабского*, с *Монгольского* и проч. и проч. Такая пестрота даже и не осле-

пительна. Из сочинений г-на Раича, здесь помещенных, важнейшие, в прозе: «Сравнение Петрарки и Ломоносова» (по крайней мере, думаем, что оно писано самим Издателем, хотя под статьей) означена одна заглавная буква: Р.; в стихах: отрывок из «Освобожденного Иерусалима»: «Смерть Свенона». Вообще, в характеристических сравнениях двух авторов бывает более полуистин, чем истины; более изысканности, насильственности, чем естественных прикосновений. Кто-то читал Риваролю¹ сравнение Расина и Корнеля. Выслушав чтение, Ривароль сказал: «По моему мнению, можно сравнение наших трагиков сократить таким образом: общее в них, что тот и другой писали трагедии; разность, что одного звали Фома Корнель, другого Иван Расин». В сравнении Петрарки и Ломоносова некоторые главные черты их, а особливо же первого, означены верно и живо, но, признаюсь: усматриваю редко точки, где эти черты сливались бы вместе. За исключением влияния того и другого на современную каждому поэзию, учёности того и другого поэта и замечания, что *«Петрарка остался представителем итальянской литературы XIV века, Ломоносов считается представителем литературы русской, века Елисаветы»*, не понимаю): в чем и как хотел Сочинитель сводить их? Не слишком ли также увлекается он любовью к итальянской словесности и Петрарке, когда радуется, как хорошей находке, что

¹ Ривароль, Антуан (1753-1801) – французский писатель, отличавшийся остроумием и меткостью памфлетных характеристик.

Ломоносов «умел счастливо перенести в свои творения много, очень много италийского и даже некоторые, так называемые, *concetti*». Едва ли и *подлинные concetti* не безобразная прикраса италийских стихов, а заимствованные *concetti* на русский лад и того хуже. Впрочем, вероятно в Ломоносове этот мишурный блеск не подражание, а просто погрешность, свойственная худому вкусу, не озаренному светом здоровой критики, и насильственной игре воображения. В сей статье встречается забавная обмолвка. Автор говорит, что «из Понтремоли в Неаполь» пришел старец, *и к тому же слепой*, «чтобы *видеть* Петрарку». Впрочем, за исключением основной мысли сего сравнения, которая по существу своему, как мы сказали выше, всегда сомнительна, и здесь, в применении к Петрарке и Ломоносову, кажется еще менее удовлетворительною, статья сия имеет неоспоримое достоинство литературное: в ней заметны сведения в италийской словесности, хороший слог, благородные чувства и направление ума благонамеренное. Опыты г-на Раича в переводе «Освобожденного Иерусалима» уже известны читателям, так же как и критические замечания, к коим они подали повод. Находят, что куплет из 12-ти стихов г-на Раича не отвечает италийской октаве; что он не приличен поэме, потому что присвоен Жуковским балладе. Но какую же форму принять? Италийская октава по бедности нашей в рифмах не приступна для большого творения. Александрийский стих слишком важен и утомителен со временем. Баллада принадлежит повество-

вательно-лирическому роду: поэма, разделенная на стансы, может также отнестись к роду лирико-эпическому. Сообразуя все это вместе, мы готовы почти оправдать г-на Раича. Отлагая в сторону форму, должно признаться, что стихи Переводчика часто живы и сочны, почти всегда звучны и вообще хороши. В отрывке: «Смерть Свенона» язык вернее, строже и зрелее, чем в прежних: в нем гораздо менее и почти вовсе не находится прежде встречавшихся заимобразных оборотов Жуковского, которые могут быть хороши у него, потому что они его коренные, но становятся погрешными, когда они пересажены на чужую почву. По любви г-на Раича к итальянской литературе и по сведениям его, должно желать, чтобы он короче познакомил нас с нею, предлагая нам в прозаических переводах и в критическом рассмотрении лучших писателей итальянских, стихотворцев и прозаистов. Переводы в стихах приятны и льстят более суетности переводчиков, но могущество стихотворства так сильно, что забывая о подлиннике, мы судим перевод, как оригинальное творение: переводы в прозе полезнее, более действуют на язык, на который переводят, более пускают идей, образов в обращение и всегда совершеннее знакомят и сближают литературы и языки. На переводчике в стихах лежат две неволи, а и с одною справиться тяжело.

В числе хороших стихотворений, помещенных в «Северной Лире» и носящих подписи уже известные, отличаются начальные опыты Поэта, в первый раз являющегося на сцене.

Стихотворения Андрея Муравьева: «Ермак», «Воззвание к Днепру», «Русалки», «Отрывок из описательной поэмы: Та-врида», исполнены прекрасных надежд, из коих некоторые уже сбылись. Выпишем несколько стихов из «Русалок»:

Волнуется Днепр, боевая река,
Во мраке глухой полуночи;
Уж облако месяц прорезал слегка
И неба зарделися очи;
Широкие идут волна за волной
И с шумом о берег бьются,
Но в хладном *русле*, под ревущей водой,
И *хохот* и *смех* раздаются...
Как под вечер звезды ясные
Заиграют в небесах,
Друг за другом, девы красные
Выплывают на волнах...
Русы косы рассылался,
С обнаженных плеч бегут,
По волнам перегибался,
Золотым руном плывут;
Грудь высокая волнуется
Сладострастно между вод,
Вал ревнивый полюбуется
И задумчиво пройдет;
Руки дев, как мрамор, белые,
Подымаются, падут;
То, стыдливые, несмелые,
Медленной толпой плывут.

То в восторге юной радости
Будят песнями берега,
Иль с беспечным смехом младости
Ловят месяца рога
Над водою...

Картина прелестная и во всех частях с искусством выдержанная: последняя черта удивительно игрива. Можно только заметить лишнее слово, в стихе:

И хохот и смех раздаются –

Смех после *хохота* вставка и неправильное ударение в слове: *русло*. Ермак написан другою кистью: краски здесь мрачные и более силы в чертах; но в нем также есть живая поэзия в вымысле и выражении. Посреди имен известных и анонимов в подписях «Северной Лиры», встречается загадочное имя: *Делибюрадер*. Вот одно из его стихотворений, с *Арабского*:

Нама

Уаль натру мискун (?)

*Уст ее дыханье –
Мускус благовонный;
А ланиты – розы;
Зубы – млечны перлы;
Стан – лозы стройнее;
Бедра округленны –
Холмики песочны;
Локоны густые –
Мрак осенней ночи;
А лицо сияет –
Словно полный месяц.*

Скажите по совести: не правы ли мы, когда сказали, что мало радости и пользы с похищений такого рода, хотя и добыты они издалека? Пускай это и тому подобное с Арабского, на Арабском языке и остается. Довольно нам и одного греческого Анакреона, которому нам велят кадить, потому что он древний и грек, хотя в новейшие времена часто за приятельскими пирушками встречаются Анакреоны; но для европейской гордости нашей слишком уж будет оскорбительно, когда захотят колоть нам глаза арабским Анакреонтичеством. «Отрывок из сочинения об искусствах» носит

ту же загадочную подпись. В сей статье, которая по большей части одна *компиляция*, но довольно искусно и живо составленная, полушуточно, полуучено, полумифологически, полуисторически, излагают мнения о могуществе Музыка и степенях состояния ее у разных народов. «Письмо о русских романах», или правильнее, о возможности писать русские романы, произведение г-на Погодина, умное и занимательное. Признаемся однако ж, что соглашаясь с ним в мнении, что у нас в истории встречаются предметы для *поэтических романов*, сомневаемся в богатстве наших материалов для романов в роде Вальтера Скотта. В нашей истории, по крайней мере до Петра Великого, встречаются, разумеется, лица, события и страсти, но нет нравов, общежития, гражданского и домашнего быта: источников необходимых для наблюдателя-романиста. Жаль, что Автор, в письме своем о русских романах, задевает, как многие из наших комиков, погрешности условные, мнимые, а не существенные. Описывая, например, общество, в коем он находился, продолжает он: «Сперва похвалены были, как водится, все присутствовавшие взаимно друг другом». Характеристическая ли эго черта наших нравов? Мало ли в наших *блистательных собраниях* встретится истинно смешного? Зачем прибегать к общим, так сказать, давно заданным уликам? «Сколько есть у нас Тарасов Скотининых», говорит Автор: и тут не метит он в цель. Тарас Скотинин и в комедии Фон-Визина карриатура, а не портрет. Порока и глупости не должно

представлять в увеличительные зеркала: им это по руке. Они скажут: «мы себя здесь не узнаем» – и ваши исправительные меры останутся без успеха. Лучше дотрагивайтесь слегка, но задирайте всегда за живое, то есть за истинное. Читатели найдут еще в «Сев. Лире» произведения гг. Шевырева, Титова, Веневитинова, Тютчева, кн. Одоевского и некоторых других; все они более или менее отличаются, или игривостью мыслей, или теплотою чувства, или живостью выражения. Одним словом: «Северная Лира», посвященная Издателями любительницам и любителям отечественной Словесности, может во многих отношениях заслужить их признательность.